Г. Ф. Благова. «БАБУР-НАМЕ»: Язык, прагматика текста, стиль. К истории чагатайского литературного языка. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 404 с.

Фундаментальная монография Г. Ф. Благовой знаменует собой оригинальное новое решение целого комплекса традиционных исследовательских проблем средневековых тюркоязычных литературных памятников, к которым и принадлежит замечательный историко-литературный труд крупного политика, основателя государства Великих Моголов и незаурядного литератора Захиреддина Мухаммеда Бабура (1483—1530). Мемуары Бабура — «Бабур-наме» были для своего времени новаторским художественным произведением, отличавшимся стилистической многослойностью: здесь были представлены деловая и документальная проза, искренние свидетельства очевидца, литературные заметки, образцы поэзии, элементы публицистики, образцы эпистолярного жанра и просто повествовательная проза. Тюркологи и раньше обращали внимание на достоинства «Бабур-наме», на историческую и литературную ценность памятника, на его роль в изучении истории тюркских языков, но только работа Г. Ф. Благовой показала, насколько целостна литературно-языковая ткань этого произведения, как точно и целенаправленно использовал автор языковые средства для обеспечения адекватной реакции читателя на его художественный замысел.

Такой синтетический анализ письменного памятника стал возможен на основе использования тех достижений современной лингвистики, которые представлены в ее успешно развивающихся направлениях — прагматике текста и лингвостилистике. Методологическую основу целостного описания языка памятника составили подход к литературному тексту как к речевому произведению, а также привлечение комплекса дополнительных приемов изучения внутриязыковой и внеязыковой специфики средневекового текста. Оказалось, что Бабур очень точно уловил социо-историческую ситуацию в регионе, где он формировался как правитель и основатель новой державы, т. е. правильно наметил социальный заказ своего произведения и, что самое главное, нашел адекватные изобразительные средства для его воплощения, в чем ему, безусловно, помог талант поэта-лирика, писателя и ученого-историка.

В монографии Г. Ф. Благовой реализованы многие идеи акад. В. В. Виноградова относительно изучения истории литературного языка, в частности учет многоступенчатости в корреляции «язык литературно-художественного произведения — язык писателя — язык художественной литературы». В области лингвистической прагматики автор часто обращается к работам Н. Д. Арутюновой, К. А. Долинина, Г. В. Степанова, Н. И. Толстого, по проблемам функционально-стилистической дифференциации языка — к трудам М. М. Гухман, Э. Р. Тенишева, в вопросах текстологии — к исследованиям Д. С. Лихачева, С. И. Коткова, А. Н. Кононова. Особенно следует подчеркнуть, что в монографии отчетливо реализована преемственность с отечественной тюркологической традицией изучения письменных памятников, представленной именами таких тюркологов, как В. В. Радлов, И. Н. Березин, Н. И. Ильминский, П. М. Мелиоранский, А. Н. Самойлович, и более близких к нам по времени А. К. Боровкова, А. Н. Кононова, Э. Н. Наджипа. Все они (как и многие другие тюркологи бывшего СССР) внесли свой вклад в изучение творчества Бабура, особенно впечатляющей на фоне сравнения с зарубежными исследователями (прежде всего А. С. Беверидж, К. Броккельман, Й. Экман). Большим достоинством монографии (как и ряда примыкающих к ней публикаций автора, см.: список литературы, с. 389—399) является то, что здесь в полной мере реабилитирован тот вклад в бабуроведение, который внес акад. А. Н. Самойлович, чьи работы были незаслуженно забыты, а то и вовсе оставались неизвестными. (Заслуга введения некоторых из них снова в научный оборот также принадлежит Г. Ф. Благовой.) Пожалуй, именно с трудов А. Н. Самойловича начинается лингвотекстологическое изучение произведений Бабура и других тюркоязычных авторов средневековой Азии.

Как указывалось, комплексный подход автора монографии к тексту требовал учета и системно-языковых, и внелингвистических аспектов литературного языка. При этом автору пришлось преодолеть существенное препятствие, мешающее лингвотекстологической обработке памятника,— отсутствие научного критического издания текста «Бабур-наме». Обходя эти трудности, Г. Ф. Благова, как представляется, совершенно правильно отмечает, что «откладывать (возможно, еще не на одно поколение тюркологов) введение в научный обиход бесценных материалов „Бабур-наме“ было бы нерационально и нецелесообразно» (с. 8), и в связи с этим предлагает ею же самой апроби-

рованную уже в течение ряда лет сугубо прагматичную и в то же время доступную методику: вести исследование сразу в сопоставлении по двум изданиям памятника: казанскому (Н. И. Ильминский, 1857) и лондонскому (А. С. Бевериджу, 1905) — и соответственно — по двум спискам, легшим в их основу: Керовскому и Хайдарабадскому,— на сегодняшний день, видимо, наиболее ранним и репрезентативным [1]. Таким образом, лингвотекстология как бы внедрена в ход самого исследования: языковой материал дается по обоим спискам, учитываются разночтения, выявляются инновации переписчиков, отмечается языковое варьирование и пр. Правда, фонетические и графические аспекты изучения арабографичного текста по понятным причинам (в том числе и по издательским) остаются пока не проработанными, и иллюстративный материал приводится, если использовать терминологию В. В. Радлова, на основе «интерпретирующей транскрипции», сочетающей фонологическую и графическую передачу знаков письма.

Скрупулезное сопоставление двух текстов «Бабур-наме», а также сплошная выборка лексического и грамматического материала еще раз подтвердили выводы автора монографии, которые были изложены и в более ранних публикациях (а своими корнями уходят ко времени работы Г. Ф. Благовой над кандидатской диссертацией, важность и актуальность их была подчеркнута еще в отзывах оппонентов, т. е. к 50-м годам; см. цитаты на обложке издания), о том, что Керовский список в той же мере, что и Хайдарабадский, представляет текст оригинала произведения Бабура и что они фактически находятся в отношениях «взаимодополнения и взаимоверификации». Тем самым дополнительно опровергаются критические выводы А. Беверидж о дефектности Керова списка и его издания в Казани и подтверждаются высказывания А. Н. Самойловича о роли указанных текстов и их изданий в бабуроведении. Аргументированные доказательства этого приведены во 2-м разделе Введения рецензируемой монографии (с. 20—44).

Весь приводимый в книге иллюстративный материал — это результат глубокого анализа, лингвотекстологического сопоставительного изучения, соотнесения явлений языка памятника с фактами других средневековых источников, современных тюркских языков и их диалектов (прежде всего узбекского и уйгурского). Да и как может быть иначе, если автор работает с текстом вот уже более сорока лет! Поэтому каждый пример, используемый в лексикологической, морфологической или синтаксической частях работы, всегда сам по себе интересен, доказателен и обстоятельно интерпретирован.

Изучение языка писателя требует, однако, не узколингвистического, а историко-филологического и индивидуализированного подхода к авторской речи, т. е. совмещения лингвистических и литературоведческих приемов, о чем неоднократно говорили В. М. Жирмунский, В. В. Виноградов, Г. В. Степанов. Опираясь на эти установки и используя представление о языке литературы как виде литературно-художественной коммуникации, Г. Ф. Благова выделяет важнейшие аспекты своего исследования: изучение текстообразующих факторов — авторского выбора, соотношения «адресант — адресат», использованных адресантом языковых средств в конкретных функционально-стилистических разновидностях текста, т. е. новые лингвистические и литературоведческие идеи она прилагает к тексту письменного памятника. Автор возвращается к традиции глубокой общефилологической интерпретации текста памятника, обосновывая особенности преломления новых понятий именно к несовременному тексту.

Соответственно указанным задачам построена первая часть монографии, состоящая из четырех глав (с. 45—248). Здесь показано, что авторская коммуникативная установка «Бабур-наме» характеризуется ее четко выраженной социальной направленностью — дать для своих современников цельное жизнеописание в выигрышной для Бабура интерпретации, оправдывая свои поражения и возвеличивая победы над врагами и соперниками на пути к основанию династии новых правителей Индии. Эта установка подкреплялась высоким социально-политическим статусом Бабура, а также его личностными качествами как писателя и образованного правителя. Именно в этом слиянии двух коммуникативных характеристик видит Г. Ф. Благова истоки новаторства в творчестве автора Записок. Новаторский «образ автора — справедливого государя, сформированный в „Бабур-наме", явился принципиально новым как для чагатайской, так и для всей средневековой тюркской лите-

[1] Первое критическое издание текста «Бабур-наме» на основе четырех рукописей: Керовской, Хайдарабадской, а также хранящихся в Британской и Шотландской библиотеках — появилось в 1995 г. в Японии: Zakhir ad-inn Muhammad Babur. Babur-nama (vaqayi'). Critical edition based on four Chaghatay texts with introduction and notes by Eiji Mano. Kyoto, 1995. 610 p.

ратуры» (с. 61) — такой интересный нетривиальный вывод сделан автором монографии.

В качестве адресата Бабур сознательно предпочитает видеть не правящую верхушку, а более широкие слои читающей публики: «Новая модель адресата — это почти фольклорный „слышащий и видящий вдалеке и вблизи", с чьим мнением считается автор» (с. 63). Естественно, что новый тип автора и новый образ адресата создают и новые отношения, разрушающие каноны классической средневековой литературы.

Анализу языкового выражения текстообразующих факторов, распределяющихся в сущности между тремя типами повествования — двумя объективированными и субъективированным, отведен специальный раздел первой главы. Здесь показано, что благодаря сознательному отбору средств языка (соотношение форм 1-го лица основного залога и 3-го лица форм пассива с вин. падежом объекта,— редких в тюркских языках, но грамматически закономерных, форм принадлежности и т. п.) Бабуру удалось создать впечатление простоты и доступности языка своего произведения и «литературной скромности».

Вторая глава содержит анализ состава текста, принципов его структурирования и стиля «Бабур-наме». Практически в главе идет речь о соотношении авторского и чужого слова (М. М. Бахтин), представленного прямой и косвенной речью, несобственно прямой речью, диалогом, риторическим вопросом, традиционными «текстовыми украшениями» (афоризмами, пословицами, стихотворными цитатами, даже документами и пр.). Г. Ф. Благова уделяет серьезное внимание описанию места диалога в произведении и такой фигуры, как риторический вопрос. Новаторски и творчески использует Бабур также разнообразные приемы организации текста (рубрикацию, текстовые сцепления, симметричность построения и т. п.). Стилистическая позиция Бабура совершенно ясна — требование простоты и доступности языка, и он строго ее придерживается. Эти принципы и пути их реализации в тексте «Бабур-наме» раскрываются в третьей и четвертой главах монографии.

Как показывает Г. Ф. Благова, Бабур в отборе лексических средств руководствовался той же установкой на своего читателя. Богатейший набор приемов выделяется на уровне морфологии: использование прежде всего эмоционально-оценочных форм, удвоений, выбор актуализационных форм времени и пр. Синтаксису памятника присуще упрощение структур предложения, использование парцелляции и других особенностей разговорного синтаксиса. Все это позволяет автору сделать вывод о том, что Бабур как незаурядная языковая личность в своем произведении сумел использовать богатства тюркского языка и своим творчеством инициировал появление новых стилевых факторов, способствовавших развитию средневековой тюркской литературы.

Однако «Бабур-наме» не только оригинальное и прогрессивное в лингвостилистическом отношении произведение, но и объемный памятник чагатайского литературного языка, тюркских языков среднеазиатского региона. Описание этой стороны памятника представлено во второй части монографии Г. Ф. Благовой (с. 249—373), в которой очерк морфологии языка «Бабур-наме» выполнен в двух аспектах — формально-грамматическом и функционально-стилистическом. Важно отметить, что и в этой части книги автор остается верен избранной методологии — совмещение традиционных и новейших приемов исследования. В очерке представлены грамматические категории имени и глагола. В ходе изучения этих форм были сделаны содержательные выводы: язык памятника в диалектном отношении достаточно однороден, а формы огузского типа находятся на периферии морфологической системы; в плане исторического развития некоторые языковые явления отмечены в динамике; в памятнике прослеживаются традиции литературных языков более раннего периода; объем самого текста позволяет дать репрезентативный срез регионального варианта тюрки (к сожалению, в книге подробно не рассматривается вопрос о соотношении понятий «тюрки», «чагатайский язык») и охарактеризовать «способ существования» живого языка в тот период.

Используя эффективную методику работы с текстом памятника (даже при отсутствии критического текста), Г. Ф. Благова представила в своем исследовании развернутую картину лингвостилистического и формально-грамматического состояния чагатайского литературного языка рубежа XV—XVI вв. и раскрыла место создателя «Бабур-наме» как отдельной языковой личности во всех ее проявлениях в рамках существовавшей в то время языковой системы. И в таком смысле этот труд действительно может быть назван «филологической энциклопедией „Бабур-наме"». Г. Ф. Благова на примере прозы Бабура (анализ его поэтического творчества содержится в архивных заметках А. Н. Самойловича и в работах И. В. Стеблевой) дала показательный образец анализа языка и стиля прозаического литературного памятника (да еще

при отсутствии критического текста). Ее работа свидетельствует о прочных традициях отечественной тюркологии и ее поступательном движении. Издание этой книги, выполненной полиграфически на высоком уровне, свидетельствует также о том, что в трудное для современной науки время оказывается возможным найти поддержку в издании столь сложной книги и что для истинных энтузиастов, каким является А. Б. Усманов, развитие исследований по национальной истории и культуре остается более важным делом, чем повседневные заботы.

Д. М. Насилов

AION. SLAVISTICA. 2. 1994. Annali dell'Istituto Orientali di Napoli. Dipartimento di studi dell'Europa orientale. Sezione Slavistica. Edizioni I.U.O. 542 p.

Итальянская славистика. т. 2

Итальянская славистика имеет многолетнюю, самую добрую и даже завидную славу. По-настоящему российскому филологу был бы полезен подробный обзор славистической карты Италии. Объясняется это целым рядом причин, в частности (причина это или следствие?) многочисленными контактами: итальянские филологи приезжают в Россию, приглашают русских, участвуют в совместных конференциях, проектах и т. д. Наконец, немаловажно и то, что Италия хочет услышать научное слово от заезжих славянских гостей *в оригинале*, т. е. как и у нас, студенты, скажем, шведской группы внимательно вслушиваются в *шведскую* речь профессора из Стокгольма. Франкоязычные страны решают иначе, и жизнь покажет, какой будет их славистика в скором будущем.

Строго говоря, рецензируется только один том «Славистики» неаполитанского университета; аббревиатура AION известна славистам уже очень давно, а длительное руководство проф. Рикардо Никкио способствовало еще большему его расцвету. И все же можно предположить, что даже выборочное рецензирование *одного тома* даст достаточное представление о превосходном положении славистики в университете Неаполя. Преподавание там теперь такого слависта, как Борис Андреевич Успенский, тоже можно назвать удачей университета.

Однако прежде хотелось бы сказать несколько слов о том, что же такое — в теоретическом плане — «славистика» в нашем, российском понимании. Сказанное ниже покажется парадоксальным, но 35 лет работы в Институте славяноведения и балканистики и участие в ряде славистических конгрессов дают некоторое право свидетельских показаний. Шире — можно поставить вопрос о том, что такое любая *-истина*. Итак, дело обстоит следующим образом. Если российский филолог напишет работу о Толстом, то он не-славист. Если же такую работу напишет филолог Японии, то он, безусловно, славист. Написавший о Мицкевиче поляк, скорее, *не-славист*, но русский филолог с Мицкевичем уже ближе к славистике. Российский филолог, исследовавший «Слово о законе и благодати» Митрополита Иллариона, уже намного ближе к славистике, но если он напишет новую и оригинальную работу о порядке слов в русском языке, то от славистики отдалится. Написавший о русской пропозиции перуанец — славист и еще раз славист! Думаю, что и англичанин, выпустивший книгу о Шекспире, *не-германист*, но работающий в Гонолулу профессор в подобном случае, конечно, германист. Но и тут не все так просто. Москвич, *написавший о словенском поэте* Иване Цанкаре,— славист. Но словенец в таком же случае будет тоже славист. В результате на славистических конгрессах русские лингвисты выступают, мягко говоря, не в самом сильном своем качестве, состязаясь со словаками в анализе функций их глагольных видовых пар, но зато с грустным интересом слушают доклады очень далеких чужестранцев о русской классической литературе и о тайнах языка современных российских газет и реклам. Для нас это табуировано! Все это немного напоминает ту ситуацию, как если бы на Олимпиадах, проходящих в Хельсинки, финнам были бы запрещены лыжи, но зато именно в них должны были отличиться жители Канарских островов, если Олимпиада будет там. Гораздо лучшее положение, на наш взгляд, в более молодой балканистике, где *балканистической* со времен К. Сандфельда считается та проблематика, которая связана со всей проблематикой, относящейся к Балканскому языковому союзу, а не исследование только болгарских артиклей или одного греческого поэта.

Итак, итальянцы находятся в положении при-